

ДМИТРИЙ КОРОВНИКОВ

**АДМИРАЛ
ИМПЕРИИ** **69**
ХРОНИКИ

Дмитрий Коровников
Адмирал Империи - 69

«Автор»

2026

Коровников Д. Н.

Адмирал Империи - 69 / Д. Н. Коровников — «Автор», 2026

Из дневника адмирала Василькова А.И. — командующего русского экспедиционного корпуса: Запись 469: «Сегодня стёр с карты сектора три обитаемых мира. Население – 6 миллионов человек. Потери флота – приемлемые...» Запись 2013: «Мятеж в 22-ой «гренадерской» подавлен. Казнено более 3000 офицеров и нижних чинов дивизии. Среди них – мои однокурсники...» Запись 55298: «Война с Конфедерацией завершена. Наши потери – 60% личного состава. Победа. Мне присвоили еще одну Золотую звезду. Она пахнет кровью...» Согласитесь, не очень похоже на мемуары героя. Больше на сухие строчки военных донесений, за которыми – выжженные планеты и погибшие флоты. Это правда о том, как делается история экспансии. Без патетики. Без оправданий. Без жалости. Каждая запись – еще один шаг к трону... или к эшафоту.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Коровников

Адмирал Империи - 69

Глава 1

Обшивку «Новороссийску» мы снимали слоями, как кожуру с апельсина, и никаких угрызений совести я при этом не испытывал.

— Носовые башни — по третьей батареейной палубе! — скомандовал я. — Кормовые — работать по уцелевшим зенитным гнёздам левого борта. И если кто-нибудь хотя бы поцарапает шаттл — лично перепису виновному аттестацию. В худшую сторону.

— Шаттл в безопасном коридоре, господин контр-адмирал, — отозвалась офицер связи, минутой раньше продиктовавшая этому самому шаттлу маршрут отхода.

— Вот и держите его в этом коридоре. Сегодня он — главная драгоценность сектора.

— Господин контр-адмирал, «Новороссийск» разворачивает кормовые башни, — доложили с поста слежения.

— Пусть разворачивает. К тому моменту, как повернёт, нас на этой директрисе уже не будет. Штурман — смена плоскости.

Маленькая отметка с транспондером «Новороссийска» уползала по краю тактической карты всё дальше от своего формального владельца, и я позволил себе полсекунды удовольствия. Полсекунды в бою — это много: за такое время успевают гибнуть корабли. Я успел всего лишь улыбнуться и вернуться к работе.

А работы хватало. «2525» вёл огонь на четыре стороны сразу: главный калибр обстоятельно разбирал борт флагмана Суровцева, средний не давал поднять головы трём кораблям противника, стоявшим вокруг «Елизаветы Первой», а зенитные расчёты провожали всё, что осмеливалось отделяться от чужих корпусов. Для лёгкого крейсера подобная нагрузка считается запредельной. Мы это знали и вежливо делали вид, что не считаемся.

«Новороссийск», надо отдать ему должное, отвечал со всей серьёзностью, на какую способен оскорблённый флагман: уцелевшие башни его правого борта пытались нащупать нас всем, что ещё вращалось и стреляло, и корпус «2525» то и дело вздрагивал от близких разрывов. Щиты держали, но держали уже с той натугой, о которой инженеры докладывают начальству, старательно подбирая слова. Мы отвечали манёвром: крейсер скользил вдоль чужого борта, меняя плоскости и курсы, и всякий раз оказывался чуть в стороне от того места, куда било. Назвать это пилотажем было нельзя. Это была наглость, возведённая в методику.

Долго такой танец продолжаться не мог, и все на мостике это понимали. Противник приходил в себя: доклады поста слежения делались короче, интервалы между чужими залпами — тоже, а число батарей, вспоминавших о нашем существовании, росло с каждой минутой. Часы работали против нас, и часы об этом знали.

Если бы в академии курсантам предложили задачу: «Лёгкий крейсер в одиночку атакует флагман противника при трёх выпелах поддержки; оцените решение командира», — правильным ответом было бы короткое слово, которое здесь произносить не будем. Я и сам поставил бы за такое решение «неуд», причём с занесением. Но академия была далеко, а Настасья Николаевна Зимина — близко, и это обстоятельство решительно меняло всю систему оценок...

Вокруг нас тем временем умирала эскадра. Корабли Суровцева, притянувшие к себе магнитными тросами остатки выпелов Зиминной, висели в пространстве единой тяжёлой гроздью; снаружи эта гроздь выглядела почти безмятежно — ни залпов, ни манёвров, ни ходовых огней, — но за её бронёй, в коридорах и переходах, уже дрались абордажные команды, а там,

где ещё не дрались, экипажи стояли у заваренных переборок и слушали, как с той стороны режут металл.

Эти корабли было уже не спасти — ни фортам, ни мне, ни всем резервам флота, вместе взятым: момент, когда спасать поздно, всегда наступает раньше, чем в него соглашаются поверить. А вот саму Настасью Николаевну спасти было можно. А мне так и вовсе нужно. Разницу между «можно» и «нужно» я расшифровывать не стану: кто понимает, тот уже всё понял, а кому непонятно — тому в жизни повезло больше моего.

Именно поэтому лёгкий крейсер «2525» и находился сейчас в самой середине чужого пиршества, огрызаясь всеми калибрами и старательно не думая о том, сколько это может продолжаться. Со стороны наша атака выглядела дерзостью на грани безумия. Изнутри, честно говоря, тоже. Но чтобы стало понятно, как мы вообще здесь оказались и почему я при этом ни секунды не волновался за императора, которого весь флот считал запертым на линкоре Зиминной, придётся отмотать примерно на полчаса назад...

Итак, полчасом ранее «2525» стоял в строю фортов на противоположной стороне планеты и занимался самым тяжёлым из всех флотских дел — ждал.

По моим расчётам, именно на моём участке обороны из тоннелей «тумана войны» должны были выйти свежие эскадры противника. Под эту встречу я выстроил всё: развернул форты, распределил сектора огня, отрепетировал с командирами порядок залпов — и приготовился принимать заслуженные поздравления. Противник имел наглость с моими расчётами не согласиться. Тоннели оказались пустыми. Перепроверили показания зондов трижды и трижды доложили одно и то же: в каждом по одному единственном кораблю, больше активности нет, эскадр противника нет.

Разочаровываться в собственном гении — занятие болезненное, но доступное немногим: большинство людей расстаётся с гением ещё в юности. Я стоял над тактической картой, пережёвывал это редкое чувство и следил не за своими пустыми тоннелями, а за чужим сектором, где эскадра контр-адмирал Зиминной доживала последние минуты. Отметки её кораблей одна за другой сходились с отметками противника вплотную — так близко корабли сближаются только при швартовке, но на швартовку происходящее не походило никак. Потом вычислитель услужливо подписал то, что я понял и без него: «Елизавета Первая» обездвижена.

Тросы означали абордаж. Абордаж означал, что бой за сектор проигран и началась делёжка трофеев. Пустота моих тоннелей означало, что здесь, у фортов, меня больше ничто не держит.

— Капитан, Пападакис, — сказал я, не отрывая глаз от карты, — снимаемся с позиции. Курс — сектор сражения. Самый полный.

Айк вздохнул с выражением человека, которому эту правку предстоит исполнять, и занялся курсом. «2525» покинул строй фортов и начал разгон.

А спустя несколько минут меня вызвал император.

Вызов пришёл по каналу высшего приоритета, и я принял его на личный экран — после чего на несколько секунд забыл, что нахожусь на разгоняющемся боевом корабле.

На меня смотрел мальчик. Он сидел в кресле в глубине комнаты, которая никак не могла быть каютой или боевой рубкой линкора — слишком спокойным был свет, слишком мирной была тишина за его спиной; он держал руки на подлокотниках так, как учат держать для официальных портретов, и смотрел на меня серьёзно и терпеливо, а серьёзность и терпение на детском лице пугают сильнее любой сирены боевой тревоги.

Судя по обстановке, это была его резиденция. Судя по лицу — Иван Константинович, собственной персоной. А если император сидел в резиденции, то на «Елизавете Первой», рядом с Зиминной, всё это время находился кто-то другой. Кто именно — об этом стоило думать медленно и в спокойной обстановке; ни того ни другого у меня не имелось.

— Господин контр-адмирал, — произнёс мальчик, — слушайте внимательно, времени у нас немного.

— Ваше Величество... — только и сказал я. Вопросов накопилось на час разговора, и все их пришлось проглотить одним глотком.

— Как вы уже поняли, на линкоре контр-адмирала Зиминной был не я. Там находилась моя искусственная копия. Подробности сейчас значения не имеют; главное — за меня можете не волноваться. — Он выдержал короткую паузу. — Волнуйтесь за другого человека. Контр-адмирал Зимина сумела покинуть захваченный корабль. Она одна, в шаттле, посреди сектора сражения. Её нужно подобрать. Приказываю: оставьте строй фортов и следуйте в координаты боя.

— Уже следую, Ваше Величество.

Эта пауза вышла длиннее предыдущей. Императоры умеют держать лицо; мальчики — не всегда. Несколько мгновений на экране шла борьба между первым и вторым, и я из деликатности сделал вид, что ничего не замечаю.

— Поясните, — велел наконец император.

— Я увидел на карте, что «Елизавета Первая» взята на тросы, и понял: начался абордаж. Противник на моём участке из тоннелей так и не вышел, держать крейсер у фортов стало бессмысленно, и я приказал идти к месту боя. Так что считайте, Ваше Величество, что мы с вами отдали один и тот же приказ.

— Часто с вами такое — читать мысли императора?

— Впервые, Ваше Величество. Постараюсь не злоупотреблять.

Мальчик на экране позволил себе улыбку — короткую, самым краем губ — и тут же убрал её, как убирают в ящик вещь, которой пока рано пользоваться.

— Спасите её, Александр Иванович.

Императоры не говорят «пожалуйста» — не положено по должности. Но иногда это слово отлично слышно и без произнесения.

— Спасу, Ваше Величество. Обещаю.

Экран погас, оставив меня наедине с разгоняющимся крейсером и свежим, ещё тёплым обещанием.

Обещание — удобнейшая вещь: даётся за секунду, а исполняется всей оставшейся жизнью, какой бы короткой она ни оказалась. Теперь предстояло сообразить, как именно его исполнять, потому что подойти к сектору сражения было значительно труднее, чем пообещать туда подойти.

Картина в секторе к этому времени сложилась следующая. Противник, разгромив эскадру Зиминной, распорядился ею с отвратительной рациональностью: а именно — стянул уцелевшие корпуса к себе тросами и укрылся за ними, как за щитом. Расчёт был подлым и безошибочным: любой залп, посланный в эту кучу малу, с равной вероятностью находил чужой борт и наш. Артиллеристам фортов оставалось стричь края этого клубка, не решаясь бить вглубь, и противник, судя по неторопливости, которую он себе позволял, отлично понимал, насколько удобно устроился. Форты второй «линии» обороны давно развернулись к месту побоища и исправно накрывали всякого, кто высовывался из общей свалки, — но по самой свалке не стреляли. Запрет наложил я сам, пятнадцатью минутами раньше: несколько накрытий уже пришлось по своим, и повторять этот опыт я канонирам не позволил. Стрельба сквозь противника по собственным кораблям — тактика, у которой нет будущего; у её автора, как правило, тоже.

Был и второй слой проблемы, поганее первого. Вокруг самих фортов, зайдя им в «тыл» ещё в первые минуты сражения, ходили корабли Суровцева — полтора десятка вымпелов, которые методично, без спешки и героизма, выбивали фортам силовые установки и орудийные башни. Форт — сооружение величественное и по-своему несчастное: он слишком медлителен.

Вся его жизнь состоит в том, чтобы стоять, где поставили, и надеяться, что противник окажет любезность и зайдёт с той стороны, куда смотрят стволы. Противник любезности не оказал.

Мой первоначальный план был прост, как строевой устав: идти к сектору сражения вдоль линии фортов, прижимаясь к их корпусам, — под таким зонтом «2525» не достала бы ни одна эскадра в галактике. Оставалась сушая мелочь: сначала отогнать от фортов тех, кто резвился у них за спиной.

— Разрешите вопрос, господин контр-адмирал? — Пападакис возник над картой рядом со мной. Голос у него был подчёркнуто ровный — тот особый ровный голос, которым командиры кораблей сообщают начальству, что считают его план самоубийством, но субординация им дороже жизни. Впрочем, поправлюсь: жизнь Айку Пападакису тоже была дорога, и он никогда этого не скрывал.

— Разрешаю, капитан.

— Чем именно мы собираемся отгонять от фортов полтора десятка вымпелов? У нас один крейсер. Лёгкий. Я не математик, но пропорция меня смущает.

— Ты командир крейсера, Аик. Это почти математик.

— Как командир крейсера, — Пападакис аккуратно принял подачу, — я обязан напомнить: я люблю этот корабль, дорожу экипажем и питаю определённую слабость к собственной персоне. Ни с одним из троих расставаться не планирую.

— Похвальная честность.

— Тогда позвольте рассчитывать на ответную, Александр Иванович. Признайтесь прямо: одному крейсеру их не отогнать.

— Одному — нет, — легко согласился я.

Пападакис выразительно обвёл взглядом тактическую карту, на которой в радиусе досягаемости не значилось ни одного свободного корабля под нашим флагом, затем оглядел мостик, словно подкрепление могло прятаться за пультами, и снова повернулся ко мне.

— Тогда кто, позвольте узнать, этим займётся?

— Господин контр-адмирал, — не дождавшись ответа, Пападакис понизил голос до того уровня, на котором докладывают о пожаре в трюме, — если это очередная импровизация...

— Обижаешь. Импровизирую я исключительно от бедности.

Я посмотрел на хронометр. Время подходило.

— Не переживайте, капитан, — я загадочно улыбнулся. — Работают профессионалы.

Глава 2

Союзников во второй фазе сражения у меня было четыре сотни, и ни один из них об этом пока не догадывался.

Справедливости ради, я и сам узнал об их существовании в новом качестве минуты полторы назад — с той секунды, когда посмотрел на карту и понял: резервов у меня нет, времени на их создание нет тоже, а значит, резервы придётся брать из подручных средств. Флотская наука называет это изысканием внутренних ресурсов. Я называю честнее: посмотреть по сторонам с достаточной степенью отчаяния.

Тактическая карта разворачивала сектор передо мной во всей его неприглядности. Форты второй «линии», те самые, под прикрытием которых я собирался подойти к месту побоища, переживали трудные времена: действующих в цепи оставалось не больше сотни, и число это медленно, но исправно уменьшалось. Беда была в их невысокой подвижности. Крепость разворачивается медленно и торжественно; пока комендант доворачивал батарею на обидчика, обидчик успевал описать ленивую дугу и снова пристроиться ему за спину. Корабли Суровцева крутили вокруг фортов свою карусель с уверенностью пассажиров, выучивших расписание: заход, залп по силовой установке, отход, разворот, новый заход. Фортам в этой схеме отводилась роль мишеней, которым из вежливости разрешили отстреливаться.

Мою дорогу к сектору сражения эта карусель перекрывала надёжнее любого минного поля. Соваться в неё на одном лёгком крейсере означало пополнить собой статистику, а у меня на сегодня имелись другие планы.

Где-то внутри этого пока закрытого для меня сектора скитался маленький трофейный шаттл с единственным пассажиром на борту, и каждая минута, потраченная мной на поиски дороги, могла стоить его пассажиру жизни. Об этом я разрешал себе думать ровно столько, сколько полезно для скорости решений, и ни секундой дольше: страх за конкретного человека — плохой штурман, он всегда прокладывает курс по прямой.

Я повёл изображение выше, к внешним границам сектора, — туда, куда последние полчаса старался не смотреть, потому что смотреть туда было обидно. Там стояла первая «линия» обороны: четыре сотни фортов, сквозь строй которых эскадра Суровцева в самом начале сражения прошла на полном ходу, не удостоив их ни залпом, ни манёвром уклонения, ни выстрелом из главного калибра; сотни вооружённых до зубов сооружений, где расчёты стояли по боевому расписанию, реакторы держали полную мощность, орудия были заряжены и наведены в пустоту, а вся их роль в решающем сражении за Сураж-4 свелась к роли зрителей, которым забыли раздать программки.

Оскорбительно? Безусловно. Но у всякого оскорбления есть полезное свойство: оскорблённый человек рвётся доказать, что его списали зря.

— Лейтенант Завадовская, — позвал я.

Анфиса Сергеевна обернулась от пульта раньше, чем я закончил произносить её фамилию. Лейтенант Завадовская принадлежала к той редкой породе офицеров, для которых чужой приказ — вопрос личной чести.

— Общий канал на первую «линию». Все коменданты разом, как тогда — со второй.

— Все четвереста, господин контр-адмирал? — уточнила она тоном хозяйки, которой сообщили, что гостей будет четвереста, и которая прикидывает, хватит ли стульев.

— Вам жалко для меня собеседников, лейтенант?

— Напротив. Канал будет через сорок секунд.

Ни вопроса «зачем», ни поднятой брови. Подозреваю, прикажи я соединить меня с генеральным штабом противника — лейтенант уточнила бы только формат протокола.

Она уложились в тридцать пять — подозреваю, исключительно из профессиональной гордости. Четыре сотни отметок на карте одна за другой мигнули готовностью приёма, и я взял слово.

— Говорит контр-адмирал Васильков. — Я произнёс это буднично: торжественность хороша на парадах, а в бою она съедает время. — Коменданты первой «линии», слушайте приказ. Разорвать магнитные тросы построения, общий контур поля погасить. Разворот на маневровых двигателях, курс — координаты сражения. Идёте на помощь фортам второй «линии» и кораблям эскадры императора. Огонь по кораблям противника открывать по готовности, с предельной дистанции, сближения не ждать. Подтверждение — исполнением.

Я отпустил клавишу передачи и приготовился к самой унылой части дистанционного командования — к объяснениям. Кто я такой, почему распоряжаюсь чужим соединением, где санкция штаба и отчего приказ выглядит так, будто его сочинили в горячке. Опыт подсказывал, что на такие разговоры уходит от пяти минут до бесконечности, и бесконечность в списке моих ресурсов не значилась.

Объяснять, к счастью, не пришлось. Ни одного раза, ни одному человеку.

Коменданты первой «линии» не проводили это время с закрытыми глазами. Они видели на своих картах, как вторая «линия» по моему приказу разбила общее построение и развернулась; они слышали в эфире мой голос, когда я отдавал те же самые распоряжения, и наблюдали, чем всё закончилось, — развернувшиеся крепости ударили из орудий по эскадре Суровцева и выбили из неё часть кораблей, а другую часть заставили прижаться к нами кораблям, чтобы не быть уничтоженными.

Убеждать этих людей не требовалось: они всё сражение простояли у заряженных орудий и ждали, когда о них вспомнят. Люди в крепостях не были ни трусами, ни растерявшимися новичками — они были дисциплинированным войском, которого лишили управления, а дисциплинированное войско без управления страшно только самому себе. Им не хватало двух вещей: приказа сверху и единого командования. Обе эти вещи я только что выдал им одним сеансом связи, бесплатно и оптом.

Подтверждения пошли потоком. Короткие, сухие, без единого вопроса и без единой лишней секунды между ними; эфир, который только что был кладбищем чужих докладов, за минуту наполнился деловым многоголосьем четырёх сотен экипажей, дорвавшихся наконец до собственной войны. Кто-то из комендантов, не удержавшись, добавил к подтверждению короткое «давно пора» — без позывного, чтобы не отвечать за лирику. Я сделал вид, что не расслышал: устав в такие минуты рекомендует лёгкую глухоту.

Завадовская вела этот хор, как дирижёр, которому впервые в жизни выдали полный состав оркестра: сортировала подтверждения, глушила наложения, выстраивала очерёдность каналов — и на моих глазах четыре сотни разрозненных гарнизонов за считанные минуты превратились в одно соединение с одним командиром. Со мной.

А вскоре первая «линия» и вовсе перестала быть линией.

Магнитные тросы лопались по всей длине построения; общий контур поля погас разом — на карте это выглядело так, словно кто-то выключил за ненужностью длинную праздничную гирлянду. Крепости, освободившись друг от друга, тяжело и вразнобой поворачивались на маневровых двигателях, и в самой этой неуклюжести читалось особое, медленное достоинство: так поворачивается к насмешнику человек, которого слишком долго считали мебелью.

Первые залпы легли по вымпелам противника с предельной дистанции — с такой, с которой обычно не стреляют, а вежливо обозначают намерения. Карусель вокруг фортов второй «линии» споткнулась на полном ходу. Крейсер противника, чересчур увлечённый очередным заходом в чужой «тыл», поймал корпусом сразу несколько плазменных зарядов, вспыхнул изнутри и развалился, не завершив манёвра; эсминец, шедший у него в кильватере, попытался выскользнуть из-под очередного залпа и вместо этого встретил его носом. Ещё пять кораблей

получили повреждения разной степени убедительности — и этого хватило. Уцелевшие бросили своё занятие, разом забыли о фортах и нырнули под защиту основной эскадры Суровцева, а та по-прежнему жалась к связанным кораблям Зиминной, прикрываясь их корпусами от чужого огня и продолжая зачищать их изнутри, отсек за отсеком.

Для меня в этом бегстве была двойная выгода. Во-первых, дорога вдоль второй «линии» очистилась. Во-вторых — и это нравилось мне куда больше — противник стянулся в одну точку, компактно и удобно. Тот, кто прячется за щитом, редко задумывается, что щит заодно закрывает ему обзор и связывает манёвр; эскадра Суровцева собственными руками заперла себя в координатах, вокруг которых я уже начинал возводить стены.

— Дорога свободна, господин контр-адмирал, — дoloжила Завадовская, хотя карта и без неё говорила то же самое.

Пападакис выдохнул. По-настоящему, всей грудью — кажется, впервые с того момента, как мы снялись с позиции.

— Вот, что вы имели в виду, Александр Иванович, — он кивнул на форты, — когда сказали, что «работают профессионалы».

— Вообще-то я имел в виду себя.

— Ааааа. Тогда, разрешите спросить, «что дальше» — кивнул Пападакис, заранее опасаясь ответа.

Ответ у меня был готов, и опасаться его следовало не Пападакису.

— Лейтенант Завадовская, общий канал ещё раз.

— На связи, господин контр-адмирал.

— Коменданты, дополнение к приказу. К координатам сражения в лоб не подходить. Расходитесь по обводной и берите район в кольцо: ваш рубеж — внешняя сфера. Обволакивайте сектор. Ни один корабль противника не должен покинуть этот район без вашей, так сказать, письменной визы. Исполнять.

Я отпустил клавишу, и сотни отметок на карте начали медленно, почти неощутимо расползаться веером, охватывая сектор сражения по окружности.

Медленно — ключевое слово. Ходовая скорость крепости — четыре единицы; для боевого корабля это не скорость, а направление мысли. Но у кольца из четырёх сотен фортов есть качество, которого нет ни у одной эскадры в галактике: его нельзя отогнать, продавить или переиграть манёвром. Оно не догоняет — оно наступает, как прилив по расписанию, и всякий, кто останется внутри к моменту смыкания, будет объясняться уже не со мной, а с четырьмястами очень обиженными комендантами.

Рано или поздно моему дружку — Валериану Суровцеву придётся уходить. Абордажи не длятся вечно; трофеи нужно уводить, повреждённые корабли — спасать. И вот тогда обнаружится любопытная деталь: двери, через которую вице-адмирал сюда входил, больше не существует. Существует сплошная стена, у которой нет ни флангов, ни тыла, ни настроения торговаться.

Пападакис, к слову, оценил замысел раньше всех: я видел, как он смотрит на расползающийся веер отметок, беззвучно шевеля губами, — считал, через сколько кольцо станет сплошным. Судя по лицу, арифметика ему нравилась.

«2525» тем временем дошёл до второй «линии» и скользнул под прикрытие её уцелевших крепостей. Впереди, в минуте хода, лежал центр сектора — сцепка мёртвых и полумёртвых кораблей, за которой пряталась эскадра Суровцева.

— Капитан, — сказал я, — ныряем внутрь. Курс — на связанные корабли, сближение до дистанции кинжального огня.

Айк, который только-только позволил своим плечам опуститься на сантиметр, вернул их на прежнее место.

— Господин контр-адмирал. — Он выдержал паузу, подбирая формулировку, и я великодушно не торопил. — Сегодня вы уже ставили меня в известность, что мы атакуем превосходящего противника. Я смирился. Затем вы подняли четыреста фортов, и я успел поверить, что дальше будет легче. Беру эту веру обратно: теперь вы предлагаете броситься в самую гущу кораблей противника. Это называется лезть в пасть ко льву, и у меня от этого снова портится настроение.

— У вас удивительно точный организм, капитан Пападакис: настроение у него портится строго перед делом.

— Это организм командира корабля, господин контр-адмирал. Он обязан предчувствовать беду.

— Где ты видишь там львов, капитан? — усмехнулся я. — Львы — это наши связанные тросами корабли, а те, что вокруг, — обычные гиены...

Глава 3

Первый залп мы получили через пару секунд после выхода из тени крепостей.

Стреляли трое — ближайшие к нам из тех, что прижимались к внешнему краю свалки. Их командиры увидели на экранах ровно то, что я и собирался им показать: одинокий лёгкий крейсер, идущий на сближение самым нахальным из возможных курсов. Канониры у них оказались не хуже командиров. Поле «2525» вспыхнуло, приняло залп и погасило его, отчитавшись на пульте честной цифрой: минус шесть процентов.

— По нам работают, господин контр-адмирал, — сообщил Пападакис тем ровным голосом, каким предупреждают о начале дождя. — Пока три.

— Пока, — согласился я. — Держать прежний курс. Поле сместить на нос.

Каждое попадание отдавалось в корпусе не звуком — звуку в пустоте взяться неоткуда, — а короткой дрожью настила под ногами, словно кто-то большой снаружи проверял крейсер на прочность костяшками пальцев. Мостик работал молча: вахта у нас была из тех, что нервничает до боя и после, а во время боя — считает.

Считать было что. Огонь противника не отличался кучностью — сказывались усталость расчётов и потрёпанные системы наведения, зато отличался упорством: залпы шли размеренно, как платежи по кредиту, и каждый забирал у нашего поля свои два-три процента. Пападакис уводил крейсер короткими противоартиллерийскими зигзагами, не ломая общего курса; со стороны это выглядело, наверное, как походка человека, который очень старается казаться трезвым.

Свалка тем временем надвигалась, занимая экран. Вблизи место сражения ещё меньше походило на боевой порядок и ещё больше — на затонувший порт: сцепленные тросами линкоры и крейсера эскадры контр-адмирала Зиминной висели в пустоте тёмными глыбами; между глыбами перемигивались вспышки абордажного боя; вдоль бортов ползли чужие челноки; из пробоин выходил воздух, на глазах превращаясь в иней и медленные облака обломков; и всю эту мёртвую архитектуру обнимали, прижавшись вплотную, «живые» корабли Суровцева — обнимали так тесно, что со стороны нельзя было разобрать, кто кого держит.

Среди глыб я нашёл ту, ради которой сюда шёл. Линкор «Елизавета Первая» стоял во втором ряду сцепки, растянутый тросами сразу на три стороны, тёмный и обесточенный, как его соседи. Несколько минутами ранее император сообщил мне, что контр-адмирал Зимина покинула борт на шаттле. Куда ушёл этот шаттл, не знал ни он, ни я, и эту мысль я аккуратно отложил в сторону, чтобы она не мешала рукам.

План на ближайшие несколько минут выглядел коротко: дойти и найти Настасью Николаевну. Всё остальное начиналось после этого и не имело смысла до него.

— Лейтенант Завадовская, форты ближней дуги второй «линии» — на приём. Канал держать открытым постоянно, понадобится быстро.

— Канал открыт с момента нашего выхода, господин контр-адмирал, — Завадовская ответила, не отрываясь от пульта. — Коменданты смотрят на нас всем составом. По-моему, они за нас болеют.

— Передайте, чтобы болели деятельно.

— Дистанция кинжального огня по «Елизавете» — пять минут, — Пападакис вывел отметку линкора на главный экран и обвёл её рамкой, как обводят в календаре день, которого боятся. — Если эти пять минут нам дадут.

Оговорка была уместной. К трём стреляющим кораблям присоединился четвёртый, следом пятый; поле вздрагивало всё чаще, и цифра на пульте таяла — восемьдесят один, семьдесят четыре, шестьдесят восемь. Утешало меня в этой арифметике одно обстоятельство, и оно же выводило из себя моих оппонентов: стрелять по нам они могли только частью орудий. Корабли

Суровцева сами загнали себя в объятия чужих корпусов — пристыкованные, притянутые тросами, спрятанные от крепостной артиллерии за бортами эскадры Зиминной, и теперь наружу у каждого смотрела в лучшем случае треть батарей. Укрытие, которое они себе выбрали, работало исправно. В обе стороны.

Какое-то время противник честно пытался решить задачу имеющимися стволами: пять кораблей молотили по одному крейсеру третьей своей артиллерии и наблюдали, как медленно, до обидного медленно тает его свеженькое поле. Потом на той стороне кто-то грамотный сравнил скорость этого таяния с моим подлётным временем, получил неприятный ответ и принял решение, которого я ждал с самого начала.

Они начали отдавать швартовы.

Первым из кучи выскользнул эсминец: отцепил тросы, оттолкнулся маневровыми и боком, по-крабьи, пошёл вдоль кромки свалки, разворачиваясь к нам носом. За ним потянулись два крейсера, ещё один эсминец и линкор. Логика их командиров была безупречна, как всякая логика, в которой потеряли одно слагаемое: на открытом пространстве по наглому одиночному крейсеру можно работать всеми орудиями сразу, а не частью.

Поле «2525» немедленно почувствовало разницу.

— Пятьдесят один процент, — Айк Пападакис больше не смотрел на меня, только на цифры. — Сорок шесть. Господин контр-адмирал, ещё две минуты такой музыки — и они начнут расписываться прямо на броне.

— Двух минут у них нет. Лейтенант Завадовская — дайте мне форты.

— Канал ваш.

— Коменданты, говорит Васильков. — Голос я не повышал; для такого подарка хватало обычного. — Взгляните на кромку свалки. Цели, которые всё сражение прятались от вас за чужими корпусами, только что вышли на открытое пространство и развернулись к вам бортами. Они заняты моим крейсером, заслонов не имеют, полей не имеют тем более. Работайте по корпусам. Дарю, господа.

Хороший канонир не благодарит за подарки — он расписывается в получении.

Первым расписался форт с правого края дуги. Единственное орудие крепости — то самое, одно на всё сооружение, зато мощностью с главный калибр линкора — выпустило сгусток плазмы, и сгусток прошёл сквозь место, где у эсминца ещё числилось защитное поле. Числилось условно: к этому часу сражения поля кораблей Суровцева были либо сбиты начисто, либо болтались на значениях, которыми останавливают разве что мелкий мусор. Плазма дошла до нимидийской брони без пересадок.

О нимидийской броне в справочниках пишут уважительные вещи, и все они правдивы. Плазменный сгусток крепостного калибра справочники обходят молчанием, и теперь я видел почему. Броня в точке попадания не пробилась — она перестала быть бронёй: потекла, вскипела и вывернулась наружу лепестками, как жёсть консервной банки; эсминец переломило судорогой, из разорванного борта коротко полыхнул огнём воздух внутренних палуб, и корабль, только что деловито разворачивавший на нас орудия, повис поперёк собственного курса, слепой и обесточенный.

Дальше заговорила вся ближняя дуга второй «линии».

Группа крепостей не била залпом — каждая работала в своём ритме перезарядки, и от этого огонь получается не волной, а обвалом: сгусток за сгустком, без пауз, в которые можно было бы вдохнуть. Головной крейсер противника поймал попадание в носовую башню — башню сняло с погона и унесло в темноту, как шляпу ветром; следующий сгусток вскрыл ему ангарную палубу, и из раны повалило горящее: кислород, топливо челноков, всё, что умеет гореть, когда его наконец подожгут. Линкор попытался укрыться за корпусом подбитого товарища, но у почти сотни орудий нашлось достаточно углов: продольное попадание прошло его от кормы до миделя, и с дредноута разом осыпалось всё внешнее хозяйство — антенны,

трансляторы, надстройки, — как сухие ветки с дерева. Второй эсминец оказался сообразительнее всех: он лёг на обратный курс после первого же накрытия и отделался единственным попаданием в корму — только вот этим попаданием ему снесло половину двигательной установки, и довершать сообразительность пришлось на маневровых, позорно, со скоростью грузовой баржи.

Еще один крейсер оказался упрямее прочих и попробовал огрызнуться по фортам. Идея была смелая и просуществовала секунд двадцать — ровно столько понадобилось трём крепостям, чтобы согласовать целеуказание. Сгустки пришли с интервалом в пару секунд: первый смял ему кормовую надстройку, второй разорвал борт над двигательным отсеком, третий вошёл в уже открытую рану — и крейсер, мгновенно потеряв интерес к артиллерийской полемике, покатился прочь от кромки, волоча за собой хвост замерзающего воздуха и выброшенных взрывом обломков.

В открытом канале тем временем шла своя работа: коменданты делили цели — вполголоса, деловито, с той старомодной вежливостью, с какой за столом делят последний пирог. «Головной мой, работаю по надстройке». — «Забирайте, у меня линкор в развороте». — «Кто ведёт эсминец? Отставить эсминец, он своё получил». Совсем недавно эти люди были брошенным гарнизоном. Теперь у них была очередь на цели.

Космос вдоль кромки перестал быть чёрным. Он горел: вспышки попаданий, факелы кислорода из разорванных бортов, медленные костры плавящейся брони — света хватало, чтобы разглядеть, каким ровным, каким уверенным строем эти корабли выходили из укрытия и как некрасиво им приходится теперь.

— Знаете, что во всём этом самое несправедливое, господин контр-адмирал? — Пападакис не отрывался от экрана. — Лично мы не сделали ни одного выстрела.

Возвращались корабли противника назуд без строя и без достоинства. Головной крейсер, так и не погасив пожара в ангаре, ткнулся в первую же цель между корпусами и вжался в чужой борт так плотно, что издали казался его частью. Обесточенный эсминец втащили на тросе; линкор вполз в кучу кормой вперёд, прикрываясь обрубками надстроек, как прикрываются локтем. Минуту назад эти корабли прижимались к императорским бортам, чтобы удобнее было потрошить их изнутри. Теперь они прижимались к тем же бортам, чтобы выжить. В отношениях наметился прогресс.

— Поле — тридцать девять, падение прекратилось, — доложил Пападакис и впервые за весь прорыв позволил себе оторваться от цифр. — По нам не стреляет никто, Александр Иванович. Ни один ствол.

— Стреляют, капитан. Но не по нам.

Канониры второй «линии» действительно отслеживали кромку свалки внимательнее, чем собственные реакторы: стоило какой-нибудь батарее противника развернуться в нашу сторону, как через несколько секунд в её корпус приходил ответ калибром покрупнее, и желание стрелять по «2525» исчезало — иногда вместе с батареей. Нас вели через плохой район за руку, свирепо оглядываясь по сторонам, и я не был настолько гордым, чтобы вырывать ладонь.

— Форты докладывают: пять кораблей противника тяжело повреждены, расход энергии в пределах нормы, — Завадовская выдержала крохотную паузу. — И просят передать, что готовы работать в таком режиме до конца календарного года.

— Ответьте, что до конца года не понадобится. До конца дня — возможно.

Последние сотни километров «2525» шёл в мёртвой зоне — там, где начинались коридоры между сцепленными корпусами и где всякий желающий в нас попасть сначала должен был развернуть орудия, не задев соседей. Теснота, которая всё сражение служила противнику укрытием, теперь вязала его по рукам. Мы скользили вдоль тёмных бортов эскадры Зиминой, на дистанции, с которой видны заклёпки и шрамы от абордажных резаков; кое-где за броне-стёклами мелькал свет ручных фонарей — там, внутри, ещё дрались; и далёкий вал крепост-

ных орудий за кормой оставался единственным звуком этой войны, который до нас долетал. Вернее, не долетал и он: есть вещи, которые слышишь спиной.

— Ювелирная работа, — пробормотал Пападакис, проводя крейсер между натянутым тросом и чьей-то развороченной кормой с зазором, о величине которого я предпочёл не спрашивать.

— Правь к «Елизавете».

Тяжёлый крейсер «Новороссийск» я узнал раньше, чем система опознания подписала отметку: флагман вице-адмирала стоял к линкору ближе всех — целый, ухоженный, с ходовыми огнями, и в самой этой нетронутости, вызывающей на фоне обгоревших, разодранных, истекающих воздухом соседей, характер владельца читался яснее, чем в любом личном деле. «Новороссийск» держал «Елизавету Первую» двумя носовыми тросами — так конвоир держит арестанта за лок

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.